

ГОРСКИЙ

Юли Велл

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юли Велл
Горский

«Автор»

2026

Велл Ю.

Горский / Ю. Велл — «Автор», 2026

Алексей Горский — мужчина, привыкший всё контролировать. Бизнес, жена, жизнь. Единственное, чего он не контролировал, — это свои чувства к молодой девушке, которую встретил в клубе. Она была дерзкой, красивой и безрассудной. Злата Ветрова: - Говорят, не надо искать любовь в клубе. А если эта любовь — лучший друг твоего отца, женатый мужик, который старше тебя на семнадцать лет? Тогда точно не надо. Злата не послушала. Она танцевала для него, легла под него и потеряла девственность, зная, кто он. Он вышвырнул ее после секса. А наутро узнал, что она — дочь его друга.

Юли Велл Горский

Глава 1. Злата

Клуб «Агат» давил со всех сторон.

Мерцание софитов резало глаза, басы разрывали воздух. Злата прошла сквозь толпу.

Чёрное короткое платье. Волосы распущены. Три глотка мартини на пустой желудок — и мир стал мягче, позволил себе расслабиться.

— Пошли на танцпол! Там такие мальчики! Вон тот, в черном, на тебя весь вечер смотрит!

— Пусть смотрит, — Злата взяла бокал, сделала глоток.

— Ну Зла-а-ата, — протянула Ленка. — Когда ты уже расслабишься? Мы в клубе! В лучшем клубе города! А ты как на лекции.

— Мне надоели мальчики, — ответила Злата, не глядя на подругу. — Все одинаковые. Сопливые, боятся сделать шаг, смотрят в пол. Где ты видела мужика, Лен? Настоящего. Который не спросит «а можно?».

Ленка закатила глаза и вдруг замерла. Схватила Злату за плечо, впилась пальцами.

— Злата. Злата, твою мать. Смотри.

— Куда?

— Вон туда. К колонне. Смотри, не оборачивайся резко.

Злата медленно повернула голову.

У дальней колонны стоял мужчина. Тёмно-синий пиджак, белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Не танцевал, просто держал телефон у уха, прикрыв микрофон ладонью. Говорил короткими фразами, как команды.

Широкие плечи. Жёсткая линия челюсти.

— Это кто? — спросила Злата, чувствуя, как внутри что-то ёкает.

— Ты что, не знаешь? — Ленка зашептала ей на ухо, не отрывая глаз от мужчины. — Это Алексей Горский. Он владелец «Горский Секьюрити». У них весь город на контроле — все торговые центры, склады, половина банков. Отец рассказывал, он из военных, с Северного Кавказа вернулся с наградами. Бизнес поднял с нуля за пять лет.

— Откуда ты знаешь?

— Мой отец с ним контракт заключал на охрану офиса. Говорит, мужик жёсткий, как асфальт. Никому не даёт спуска. Своих ментов имеет, говорят. И вообще... — Ленка понизила голос до шёпота, — его боятся. Все. Даже крутые папики. Он три года назад одного конкурента так размотал, тот из города уехал и больше не вернулся.

— Но он женат.

— Женат? — Злата почувствовала, как бровь непроизвольно поднимается.

— Ага. Они со школы вместе, говорят, с шестнадцати лет. Она его ещё до армии ждала, пока он на Кавказе воевал. Очень красивая, говорят, брюнетка длинноногая, из хорошей семьи. Но... — Ленка замялась.

— Что «но»?

— Детей нет. Уже пятнадцать лет в браке, а детей нет. Мой отец говорил, это у них какая-то драма была...

— Женат, а он ходит по клубам? — Злата не отрывала взгляда от мужчины.

— А кто ему скажет? Он сам себе закон. — Ленка дёрнула её за руку. — Злата, не лезь. Серьёзно. С таким шутки плохи. Он же не мальчик из универа. Он по стенке размажет и не поморщится.

Злата усмехнулась. Допила мартини одним глотком.

— Размажет? Посмотрим.

— Злата, пошли на танцпол! — Ленка дёрнула её за руку.

— Пошли.

Музыка ударила в грудь. Злата закрыла глаза и просто потекла. Никакой школы, никаких «движений из инстаграма». Она выросла в зале перед зеркалом, когда мамы уже не было, а отец вечно пропадал на работе. Танец стал её языком — плавным, чувственным, честным.

Руки скользнули вверх по бёдрам. Волосы упали на лицо. Она сделала прогиб, медленный, как текущая вода, и поймала себя на мысли: на неё смотрят.

Она открыла глаза и сразу наткнулась на него.

У колонны. Тёмный пиджак, белая рубашка. Не танцевал, просто стоял, привалившись плечом к мрамору, и смотрел. Не отрываясь. Взгляд тяжёлый, внимательный — как у хирурга перед разрезом.

Злата танцевала для него.

Каждый изгиб, каждый шаг — она чувствовала, как его зрачки расширяются. Внутри разгоралось что-то тёплое и запретное. Она улыбнулась самой себе пьяной улыбкой.

Через минуту они сидели в VIP-комнате.

Кожаный диван, приглушённый свет, за стеклом — беснующаяся толпа, но здесь было тихо. Злата заказала ещё мартини. Алексей — виски с большим льдом.

— Красиво танцуешь, — сказал он без заигрывания. Просто факт.

— Спасибо, — она откинулась на спинку, чувствуя, как алкоголь развязывает язык. — А ты не танцуешь.

— Не танцую, не умею.

— Или не хочешь учиться?

Он усмехнулся. Густые брови чуть приподнялись.

— Учился другому. Там танцы не входили в программу.

— Военная академия?

Он посмотрел внимательнее. Оценил — понял, что перед ним не глупая кукла.

— Что-то вроде того. Тебе восемнадцать есть?

— Двадцать через месяц. А тебе?

— Тридцать семь.

— Старенький, — она улыбнулась и сделала большой глоток. — Я люблю стареньких.

— Это заметно. Ты всегда так смело подходишь к незнакомым мужикам?

— Ты первый, кому я подошла, — ответила она честно. Пьяная откровенность смешалась с коктейлем. — Остальные... не дотягивали.

— До чего?

Она посмотрела на его руки. Крупные, жилистые, с парой старых шрамов на костяшках. Не пианист. Палач.

— До мужчины, — сказала тихо.

Он допил виски в один глоток, поставил стакан и вдруг спросил прямо, без сантиментов:

— Чего ты хочешь, Злата?

— Хочу тебя...трахни меня...— она запнулась на секунду.

Он придвинулся ближе. От него пахло кожей, дорогим парфюмом и чем-то горьковатым, вроде пороха.

— Ты пьяна.

— Немножко.

— Это плохая идея.

— Это лучшая идея за последние три года, — Злата положила ладонь ему на колено. Колено твёрдое, как камень. — Ты боишься?

Он медленно взял её за запястье, сжал — не больно, но неотвратно, и убрал руку.

— Я не боюсь. Я просто не трахаю пьяных девственниц.

Сердце ухнуло в пятки.

Она не говорила. Не хотела, чтобы это было «важным моментом». Хотела просто перестать быть той, кого надо «уговаривать».

— Откуда ты знаешь? — выдохнула.

— Вижу, — он коснулся пальцем её скулы, провёл по губе. — Движения дерзкие, но глаза испуганные. Ты ещё ни разу не была с мужчиной.

— С мальчиками была. Это другое.

— То есть со мной хочешь начать?

— С тобой хочу узнать, каково это — по-настоящему.

Он молчал долго. Целую минуту. Злата чувствовала, как трезвеет, как внутри поднимается паника — сейчас откажет. Сейчас встанет и уйдёт, как все, кто боялся её «слишком».

Но он не ушёл.

Он взял её за подбородок, приподнял лицо и сказал очень тихо, почти угрожающе:

— Если я сделаю это — никакой нежности. Ты меня поняла? Не будет свечек и «ой, больно». Буду брать так, как привык. Ты готова?

Злата кивнула. У неё тряслись ресницы, но голос не дрожал:

— Я готова.

Он встал. Не спеша, но с какой-то хищной плавностью, от которой у неё внутри всё сжалось. Подошёл к двери VIP-комнаты — щёлкнул замком.

Потом вернулся. Встал перед ней, глядя сверху вниз.

— Встань.

Она поднялась с дивана. Платье задралось, она одёрнула, но он перехватил её руки.

— Не надо. Я сам сниму.

Он сделал это грубо. Схватил подол и стянул одним рывком, как сдирают кожуру с апельсина — резко, небрежно. Ткань затрещала по шву, но ему было плевать. Она осталась в одних трусиках, кружевные ниточки, прижимая руки к груди.

— Убери, — приказал он.

Злата убрала. Встала перед ним почти нагая, чувствуя, как воздух комнаты холодит соски.

Он осматривал её. Спокойно, без спешки. Как командир, проверяющий бойца. Взгляд задержался на каждом изгибе — на тонкой талии, на острых ключицах, на твёрдых маленьких грудях с торчащими сосками.

— Красивая, — вынес вердикт. — Но слишком худая.

Она не поняла, шутит он или нет. В его голосе не было юмора.

Он расстегнул ремень. Злата сглотнула. Звук пряжки показался оглушительным — металлический лязг, от которого в животе стало горячо.

Он стянул брюки вместе с бельём.

И она увидела.

Член встал сразу, тугой, напряжённый. Не такой, как у тех мальчиков, которые прятали глаза и мялись на свидании. Этот жил своей жизнью — толстый, с тёмной пульсирующей головкой, с выступающими венами на стволе. Он был некрасивым в своей откровенной, животной силе. Он был орудием.

Злата инстинктивно сделала шаг назад и упёрлась ягодицами в край столика. Пустые бокалы звякнули.

— Испугалась? — голос низкий, почти ласковый. Но в глазах — холодная усмешка.

— Нет, — соврала она.

— Врёшь. И правильно делаешь. Бойся. Потом не говори, что не предупреждал.

— Сволочь, — сказала она тихо.

— Я предупреждал.

Он подошёл вплотную. Одной рукой схватил её за затылок, потянул за волосы — не больно, но властно, заставляя встать на колени, запрокинуть голову. Другой рукой взял свой член и провёл головкой по её губам — мокрый след, пахнувший мускусом и потом.

— Открой рот.

— Я... я не умею...

— Научишься. Открой.

Она послушалась. Он вошёл неглубоко, всего на несколько сантиметров, давая привыкнуть. Вкус — солёный, терпкий. Она чуть не закашлялась, но он не дал отстраниться.

— Терпи. Это только начало.

Он трахнул её в рот. Не ласково, не ритмично, как в кино — а жёстко, короткими толчками, держа за волосы как за повод. У неё потекли слёзы, смешиваясь с тушью. Она давилась, но он не останавливался до тех пор, пока не почувствовал, что она начинает задыхаться.

Только тогда вынул. Быстро, грубо. Шлепнул её по щеке — легко, почти по-отечески.

— Дыши.

Она глотала воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Слёзы размазали тушь. Она чувствовала себя униженной, грязной.

— Повернись. Руки на столик.

Она повернулась, сжимая пальцами край столика. Спиной чувствовала его горячее тело, его дыхание на шее. Он рванул её трусики вниз — тонкое кружево треснуло, ей было всё равно.

— Какая мокрая, — констатировал он спокойно, проведя пальцами по её промежности.
— Хорошая девочка. Хочешь этого?

— Хочу, — прошептала она.

— Чего хочешь? Скажи словами.

— Твой член... — голос сорвался. — Внутри... трахни меня...

Она сказала это. Сама. Грязно. Громко. Впервые в жизни.

Он вошёл резко, одним толчком.

Злата вскрикнула — боль оказалась острее, чем она представляла. Внутри будто разорвалось что-то мокрое, тёплое, живое. Она вцепилась в столик, сбив бокал, тот покатился и упал на пол, но никто не обратил внимания.

— Тише, — он замер, давая ей привыкнуть. Голос вдруг стал глубже, напряжённее — она почувствовала, что он тоже сдерживается. — Терпи. Сейчас отпустит.

Она закусила губу до крови, кивнула.

Он начал двигаться.

Медленно сначала, глубоко, вбиваясь в неё по самую мошонку и выходя почти полностью. Она чувствовала каждый миллиметр — шершавый, пульсирующий, живой. Он входил в неё так, как вколачивают сваю: размеренно, мощно, безжалостно.

Потом быстрее.

Ритм сбился, стал хаотичным, звериным. Он схватил её за бёдра, вдавливая в себя, член ходил в ней ходуном, растягивая то, что никогда не растягивали. Боль стала уходить, сменяясь чем-то другим — тягучим, горячим, поднимающимся из живота к горлу.

— Вот так, — прорычал он ей в ухо, почти прокусив мочку. — Вот так надо брать женщин. Запомни. Чтобы потом никакой мальчишка не казался мужчиной.

Она застонала — сама не поняла, от боли или удовольствия.

Он прижал её к столику своим весом, вбиваясь в неё с такой силой, что край врезался в живот. Одна его рука сжала её грудь, сминая, грубо играя с соском. Вторая спустилась вниз, нашла клитор — и начала давить, крутить, дёргать в такт толчкам.

Злата потеряла контроль.

Тело выгнулось, голова упала назад. Оргазм накрыл её как удар под дых — резко, ослепительно, выбив воздух из лёгких. Она кричала, не слыша себя, сжимаясь вокруг его члена так сильно, что он выругался сквозь зубы.

— Сука, — выдохнул он, — да...

Он кончил через несколько секунд. Излился в неё глубоко, толчками, прижимая к себе и рыча в плечо. Горячо. Много. Она чувствовала, как он пульсирует внутри, как наполняет её, как их тела слипаются от пота.

Он не вышел сразу.

Так и стоял, тяжело дыша, уткнувшись лбом ей в затылок. Его член дёргался внутри неё, медленно затихая.

Потом он отстранился. Шаг назад. Холодный воздух ударил по разгорячённой коже, по мокрой промежности.

Злата не могла двинуться. Стояла, сжимая столик, глядя в стену. Из неё текло по ногам — тёплое, густое. Она опустила взгляд и увидела на бедре пальцы — синяки в форме его хватки.

— Ты... — начала она и охрипла.

— Маленькая шлюшка. Этого ты хотела??

Она повернулась. Он стоял перед ней — собранный, холодный, уже другой. Не тот, кто минуту назад рычал в неё.

Он посмотрел на кровавые потоки на ее ногах, смешанная с его спермой. Потом на неё. В глазах мелькнуло что-то — может, сожаление, может, гнев на себя.

— Идиотка, — бросил он глухо.

Он не ответил. Отвернулся, поправил воротник рубашки. Достал телефон.

— Я вызвал такси. Через пять минут будет у входа. Не опаздывай.

— Алексей...

Он поднял руку, жестом заставляя замолчать.

— Не надо. Если когда-нибудь увидимся снова... сделаем вид, что не знакомы. Ты поняла?

Она не кивнула. Не ответила. Просто стояла, голая, в разодранном платье, чувствуя, как его семя течёт по внутренней стороне бедра.

Он вышел. Щёлкнул замок.

Злата осталась одна. Подобрала с пола трусики — бесполезные лохмотья. Огляделась, нашла салфетки. Вытерлась, морщась от боли.

В зеркале на неё смотрела чужая женщина — с распухшими губами, с размазанной тушью, со следами пальцев на бёдрах.

— Сделаем вид, что не знакомы, — повторила она вслух его слова.

Она надела платье, одёрнула его, как могла, и пошла к выходу. Такси уже ждало.

— Посмотрим..

Глава 2. Злата

Утро ударило по глазам белым потолком. Я лежала на спине в своей комнате в общежитии, смотрела в никуда и чувствовала каждую клетку своего тела. Низ живота ныл тупой, тянущей болью, как после первой тренировки по гимнастике много лет назад. Между ног саднило

— каждое движение, даже лёгкое шевеление бедром, отзывалось жжением. Она опустила руку под одеяло, осторожно коснулась и поморщилась: всё распухло.

— Твою мать, — прошептала она в подушку.

Беззвучно. Ленка спала в соседней комнате, не надо её будить.

Она села, морщась, как старуха. В голове — пустота и один единственный кадр: его член, входящий в неё в первый раз. Толчок. Боль. Его рык: «Терпи».

Она закрыла глаза...

Не потому, что было приятно. Потому что было по-настоящему. Потому что никто из тех мальчиков с дрожащими руками и вечными «тебе удобно?» никогда не смог бы сделать с ней такое. Забрать. Оставить синяки и ощущение, что её трахнул мужчина, а не сосед по парте.

Я встала. Каждое движение — пытка. До туалета пять шагов, но она прошла их как по минному полю. В зеркале ванной — зомби. Распухшие губы (он так и не дал ей нормально вытереть помаду), синяки на шее — следы его пальцев, размазанная тушь въелась в кожу под глазами.

И синяки на бёдрах. Она повернулась боком — его хватка. Пять отпечатков. Как клеймо.

Она провела пальцами по самому тёмному. Нажала — больно.

Она влезла под душ. Сначала просто стояла, позволяя горячей воде течь по лицу, по груди, по животу. Потом взяла мочалку и начала мыться — осторожно, но настойчиво. Между ног саднило так, что на глазах выступили слёзы. Она терпела.

В душе она вспомнила его лицо в тот момент, когда он кончал. Искажённое, злое, почти ненавидящее. Не любовь. Не страсть даже. Власть. Он брал её как вещь, как территорию.

И она позволила.

— Дура, — сказала она себе под шум воды. — Ты дура, Златка, нашла с кем тягаться.

Но с этой мыслью пришла другая: он был прав. Она не жалела. Ни капельки.

Из душа она вышла другим человеком. Медленным, осторожным, но собранным. Надела джинсы. Сверху — свободный свитер, чтобы скрыть синяки на шее.

Ленка уже проснулась, сидела на кухне с чашкой кофе и смотрела на неё круглыми глазами.

— Ну? — спросила Ленка, подпрыгивая на стуле. — Ну рассказывай! Ты с ним ушла!

Злата села напротив, налила себе чёрный чай. Подумала, что ответить.

— Ага — сказала она ровно.

— с Горским?! Ты ушла с ним на три часа! Три! Ленка понизила голос до шёпота. — Ты... ну... сделала это?

Злата посмотрела на подругу. Хотела сказать правду, но Ленка не поймёт. Ленка привыкла к романтике, цветам и «ты такая красивая». Она соврала. Но рассказывать — не её стиль.

— Сделала, — коротко ответила Злата. — Он норм.

— С таким мужиком и я бы тоже сделала, — вздохнула Лена.

— Он мой. — посмотрела на подругу.

— Думаешь получится захомутать такого?? — спросила подруга.

— Посмотрим.

Ленка поджала губы, поняла, что подробностей не будет, и уткнулась в телефон.

Злата допила чай, чувствуя, как саднит в паху при каждом глотке — почему-то боль отзывалась именно там, странная связь.

Злата взяла свой телефон и увидела пропущенные: Папа — пять вызовов. И ещё — Вовка, брат — три вызова и смс.

«Малая, ты чего трубку не берёшь? Жива? Перезвони»

Злата усмехнулась. Вовка — старший брат, на пять лет старше, служит в армии где-то под Ростовом. Суровый, прямой. Всегда считал себя её главным защитником после смерти мамы. И терпеть не мог, когда она «шастает неизвестно где».

Она набрала сначала отца.

Злата вздохнула. Отец — отдельная история. Он звонил редко, обычно, когда у него случался приступ совести, что он «плохой отец». Бизнес разорился год назад, отец сидел без работы, пил иногда, но в себя приходил быстро.

Когда-то он владел небольшой сетью строительных магазинов в Ростове — «Ветров-Строй». Дело шло хорошо: три точки, налаженные поставки, постоянные покупатели. Мать помогала с бухгалтерией, пока была жива. Злата помнила эти магазины — запах древесины, стеллажи с инструментами, отец в рабочей робе, довольный, счастливый.

А потом пришёл кризис, конкуренты продавили, аренду подняли. Кирилл взял кредит на расширение — не рассчитал, прогорел. Распродал остатки, закрылся. Остался с долгами и большой совестью.

Сейчас он работал мастером на маленьком заводе — восстанавливал станки, получал копейки, но не жаловался. Иногда выпивал — но редко. Чаще просто сидел на кухне, смотрел в окно и молчал.

Она нажала вызов.

— Пап, привет. Что случилось?

— Златка, дочка, — голос отца был бодрым — неестественно бодрым, как у человека, который готовится попросить о большом. — Ты как? Не разбудил?

— Я уже встала, — она машинально провела пальцем по синяку на шее. — Ты по делу?

— По делу, да. Ты помнишь моего друга, Лёху? Мы вместе служили потом он в охранный бизнес ушёл. Высокий такой, серьёзный. Он тебя ещё маленькой помнит, когда ты в девять лет велосипед разбила, а он руль выпрямил?

Злата замерла. Конечно, она его помнит.

Он учил её кататься без рук. Он ругал дворовых пацанов, когда они дразнили её «безмамной». Он приходил к ним домой с бутылкой коньяка и говорили с отцом до утра про службу. Он мне нравился и маленькой я мечтала выйти за него за муж.

Но это было десять лет назад.

— Смутно, — наврала она. — А что?

— Я ему рассказал. Сказал, что ты на третьем курсе учишься. Слушай, дочка, у меня к тебе просьба, — голос отца стал серьёзнее. — У Лёхи сейчас проблемы с одним объектом в вашем городе. Торговый центр «Северный», слышала? Его охранный предприятие там контракт выиграло, но по персоналу текучка.

— И ты предложил меня? — Злата усмехнулась. — Пап, я студентка, его это устроит?

— Ты умная, хваткая, языки знаешь. Лёха согласился — говорит, пусть девчонка подработает, опыт получит, а мы ей заодно решим вопрос с практикой для диплома. Платят хорошо. Встретишься с ним, обсудите детали. Ты же хотела независимость?

Она замолчала. Не потому, что ей нужны были деньги — отец присылал достаточно. А потому что он сказал «встретишься с ним».

Сегодня вечером. Вот и не верь в судьбу!

— Хорошо, — сказала она. — Я встречусь.

— Отлично! Лёха молодец, не подведёт. И ты не подведи, Златка. Это хорошая возможность завести нужные связи.

— Спасибо, пап. — сказала она.

Она сбросила звонок и уставилась в стену.

Работа. Практика. Деловой ужин.

Злата усмехнулась.

Она представила его лицо, когда он увидит её сегодня вечером. В деловом костюме, с собранными волосами, без размазанной туши. Когда поймёт, что перед ним — не шлюха из клуба, а дочь, его друга.

Боюсь предположить, что будет!

— Играем, Алексей, — прошептала она. — Ты хотел сделать вид, что не знакомы? Отлично. Я сыграю роль пай-девочки.

Ей вдруг стало весело. Азартно. Опасно.

Она сбросила звонок. Посмотрела на пропущенные от брата. Набрала.

— Вов, привет, — сказала она как можно беззаботнее.

— Малышка, твою мать! — голос брата был хриплым, как, всегда после дежурства. — Ты где пропадала? Я тебе названиваю, а ты — глухо.

— Вчера в клубе была, Вов. С подружкой. Телефон в сумке не слышала.

— В клубе? — его голос стал опаснее. — В каком ещё клубе? Ты там одна была? Пила? Кто тебя провожал?

— Вов, прекрати, — она закатила глаза. — Мне двадцать лет. Я имею право.

— Имеешь право, — согласился он. — Но головой думать тоже имеешь. С кем ты там была?

— С Ленкой, Вов. Просто с Ленкой.

Он помолчал.

— Об учёбе нужно думать, а не по клубам шастать. Ты это... если что — звони. И отца не забывай. Он переживает.

— Знаю, — ответила она тихо.

— Целую, малая. Не пропадай.

Он отключился. Злата убрала телефон, чувствуя, как внутри поднимается паника.

Она встала, подошла к окну. Посмотрела на серое питерское небо.

Телефон снова завибрировал. От брата: «Я серьёзно, Златка. Если с тобой что-то случится — я убью любого. Поняла?»

Она ответила: «Всё хорошо, Вов. Не переживай».

Через час телефон завибрировал:

«Злата, добрый день. Алексей Горский. Кирилл передал, что вам нужна практика. Давайте встретимся сегодня в 19:00, обсудим детали. В ресторане «Мясо & Вино», улица Ленина. Буду ждать».

Ни одного лишнего слова.

Она перечитала три раза. Ответила:

«Добрый день, Алексей. Да, папа рассказал. Буду в 19:00. До встречи».

И добавила в заметках: «Взять с собой блокнот. И непромокаемую тушь».

Глава 3. Алексей

Пять утра. Подъём.

Тело проснулось за минуту до будильника — привычка, выработанная годами в «горячих точках» и не отпускавшая до сих пор. Алексей открыл глаза, уставился в тёмный потолок своей спальни. Рядом — пустая половина кровати. Наталья ушла к себе ещё вчера, даже не спросив, где он был.

Он не шевелился минуту. Вторую. Третью.

В голове прокручивалась видеозапись прошлой ночи. Не вся. Только её лицо в тот момент, когда он входил в неё. Широко открытые глаза, влажные ресницы, прикушенная губа. Ни истерики. Ни одной просьбы остановиться.

Стерва.

Он резко сел, спустил ноги с кровати. Пол холодный — кафель.

В ванной он посмотрел на себя в зеркало. Ранняя седина на висках, жёсткая щетина. Тридцать семь — не сорок. Усталость. Не физическая — та, что копится годами внутри. От бессмысленных переговоров, от скучных баб, от пустоты в доме, где уже давно никто не ждёт.

Кольцо на пальце блеснуло. Он посмотрел на него, повертел, но не снял.

Он включил душ. Ледяной. Вздрыгнул, но не выключил. Терпел ровно столько, сколько надо, чтобы мозг проснулся окончательно.

Вода стекала по шрамам — на левом плече (пулевое), на правом боку (ножевое). Карта его жизни. Он не скрывал шрамы, не гордился ими. Просто констатировал факт: жив, значит, ещё не всё потеряно.

В спортзал он вошёл в половине шестого.

Тренажёры стояли в полутёмном зале — персональный ключ у охранника, своя зона, никто не мешает. Алексей любил это время: ни звонков, ни людей, ни обязательств. Только железо и он.

Жим лёжа. Сто двадцать килограмм, двенадцать повторений. Три подхода. Потом тяга штанги в наклоне, потом присед. Без фанатизма, но с полной отдачей. Каждое движение — выверенное, техничное, без рывков. Он ненавидел, когда мужики в зале орут на последнем повторении. Если ты не можешь поднять вес молча — ты взял слишком много.

Между подходами он смотрел в потолок и думал о ней.

Злата.

Имя глупое — из прошлого, из девяностых, когда каждую вторую девочку называли золотом. Но ей шло. Что-то колючее, звонкое.

Она была девственницей. Как он и предположил, хотя она и храбрилась при разговоре. Зачем ей это нужно было. Про защиту на прочь забыл, а если правда шлюха была бы.

Поплыл бля..

— Малолетняя идиотка, — прорычал он вслух, выжимая штангу в последнем повторении. Голос отразился от стен.

Он закончил подход, сел на скамью. Провёл ладонью по лицу. Пальцы пахли железом и потом.

Вспомнил, как она лежала на кожаном диване после. Голая, с разъехавшимися ногами, с его семенем. Не плакала. Не требовала продолжения. Просто смотрела в потолок.

Что с ней не так?

Обычные девушки после первого раза или плачут, или влюбляются, или требуют завтрак в постель. Эта...

Алексей встал, подошёл к боксёрской груше. Без перчаток — просто кулаками. Раз, два, три. Костяшки стучали по коже, ладонь быстро покраснела.

Удар. Удар. Удар.

Он пытался выбить из головы её образ. Синяки на бёдрах. Её запах — цветы и молодость, от которого у него внутри всё переворачивалось. Её голос: «Ты первый, кто не испугался».

Он резко остановился. Груша качнулась вперёд-назад.

— Кончай, Горский, — сказал он себе вполголоса. — Ты женат. А она — шлюха будущая.

Женат. На Наталье, которую знает со школьной скамьи. Которая ждала его из армии, с Кавказа, из каждой командировки. Которая теперь пьёт по вечерам в одиночестве и делает вид, что их брак не развалился.

Из душа в офисе он вышел ровно в восемь. Чисто выбрит, тёмно-синий костюм, белая рубашка.

Секретарша Лида встретила его чашкой чёрного кофе. Чёрный, без сахара.

— Алексей Викторович, у вас входящий от Кирилла Сергеевича Ветрова.

Кирилл.

Алексей взял трубку. Сделал глоток кофе — обжёгся, но не поморщился.

— Привет, дружище. Что стряслось?

— Лёха, привет, — голос друга был бодрым, даже слишком. — Слушай, я тебя попросить хотел. Ты же сейчас в Питере?

— Да.

— А у меня там дочка учится. Злата, помнишь? Ты её маленькой видел, велосипед ей чинил. Она на третьем курсе уже, двадцать лет.

Алексей замер. Кофейная чашка застыла в полусантиметре от губ.

Злата. Двадцать лет.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один.

— Помню конечно, — выдавил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Злата. Шкодливая такая была.

— Она и сейчас такая, — засмеялся Кирилл. Умная, красивая, гордая. Матери нет давно, я вечно занят — сама выросла. Слушай, Лёх, одна в большом городе, переживаю. Присмотри за ней, а? Как старый друг. Встреться, поговори. Она у меня ранимая, хоть и виду не показывает.

— Ранимая, — повторил Алексей механически. — Понял. Встречусь.

— И ещё, — Кирилл замаялся. — У меня к тебе дело. Тебе постоянно требуется персонал? Может найдёшь небольшую должность для нее?? Она толковая, языки знает, ей практика нужна. А ты ей заплатишь — и ей польза, и тебе надёжный человек. Только не говори, что я просил.

Алексей закрыл глаза.

Алексей слушал друга вполуха. В голове бешено щёлкали шестерёнки.

Злата. Двадцать лет. Учится в его городе.

Вчерашняя девчонка назвалась Златой. Сказала, что двадцать через месяц. Сказала, что учится.

Слишком много совпадений.

Алексей стиснул зубы.

— А фото у тебя её есть? Давно не видел, — спросил он, стараясь, чтобы вопрос звучал по-дружески, а не как допрос.

— Сейчас скину.

Через несколько секунд телефон пиликнул. Алексей открыл сообщение.

На экране — улыбающаяся девушка. Длинные светлые волосы, озорная усмешка. Домашнее фото, без макияжа, в растянутом свитере.

Алексей выдохнул.

Другая.

Вчерашняя была брюнеткой. Жгучей, с чёрными волосами до плеч, с ярким макияжем, в чёрном платье. Кошка. Опасная.

А эта — светленькая, домашняя, почти подросток.

— Хорошая девочка, — сказал он вслух, успокаиваясь. — Вылитая мать.

— Да, — Кирилл всхлипнул. — Таня была красавица. Златка в неё пошла.

Алексей откинулся в кресле. Напряжение отпустило, но не до конца. Где-то глубоко остался червячок сомнения.

Слишком много совпадений.

Но совпадения случаются. Город большой. В клубах полно двадцатилетних Злат.

И вчерашняя была не такой. Та — хищница, соблазнительница. А эта — правильная девочка, дочь боевого товарища.

Алексей слушал уже спокойнее. В голове укладывалась новая картинка: он знакомится со Златой Кирилловной — светленькой, скромной, папиной дочкой. Обсуждает с ней работу. Играет роль дяди.

А вчерашняя — просто ошибка. Случайная девка, которую он больше никогда не увидит.

Он даже не запомнил её лица толком. Только губы, запах, и то, как она стонала.

— Хорошо, — сказал он Кириллу. — Я с ней встречусь. Поговорю. Устрою на практику.

— Спасибо, Лёха! Ты настоящий друг.

Алексей сбросил звонок. Ещё раз посмотрел на фото — светловолосая Злата в свитере.

Не она.

Конечно, не она. Вчерашняя была другой — яркой, хищной. А эта — пай-девочка. Такие не ходят по клубам в чёрных платьях и не говорят незнакомым мужикам в лоб: «Трахни меня».

Он взял телефон. Нашёл номер, который дал Кирилл. Написал сообщение:

«Злата, добрый день. Алексей Горский. Кирилл передал, что вы согласны помочь с объектом на Северном. Давайте встретимся сегодня в 19:00, обсудим детали. В ресторане „Мясо & Вино“, улица Ленина. Буду ждать».

Отправил.

Телефон пиликнул. Ответ:

«Добрый день, Алексей. Да, папа рассказал. Буду в 19:00. До встречи».
Успокоился. Но осадок остался.

Глава 4. Злата

Ресторан «Мясо & Вино» располагался в центре, на втором этаже старого купеческого особняка. Злата знала это место — дорогое, пафосное, с мраморными столешницами и официантами, которые смотрели на посетителей как на врагов.

Она подошла ровно в семь.

Ни минутой раньше, ни минутой позже. Пунктуальность — единственное, чему её научил отец, кроме умения держать удар.

Чёрные брюки, белая блузка, волосы собраны в строгий пучок. Никакого декольте, никакой вызывающей косметики. Только тушь и прозрачный блеск на губах. Она хотела выглядеть как сотрудник, а не как девочка из клуба. С его метками пришлось поработать.

Хотя внутри всё дрожало.

Вчерашняя ночь отзывалась в теле при каждом шаге. Боль ушла, осталась тянущая, сладкая память. Злата сжимала пальцы в кулак, заставляла себя дышать ровно.

Она вошла в зал.

Метрдотель — худой мужчина с идеальной укладкой — скользнул по ней взглядом и равнодушно спросил:

— Бронировали?

— У меня встреча.

— Имя?

— Горский.

Метрдотель изменился в лице. Кивнул. Провёл её в глубину зала, к отдельной кабинке — полупрозрачные шторы, приглушённый свет, кожаные диваны.

— Господин Горский ещё не подошёл. Ожидайте.

Она села. Положила перед собой блокнот и ручку — для делового вида. Заказала минеральную воду без газа.

И стала ждать.

Минута. Две. Пять.

Сердце колотилось где-то в горле. Она прокручивала в голове сценарий: он войдёт, сядет напротив, они будут говорить о каком-то торговом центре. Он не узнает её. Потому что вчера была ночь, полумрак, макияж, алкоголь. Сегодня — другое лицо.

Или узнает?

Он не должен. Не может.

Она налила себе воды, сделала глоток. Руки не дрожали — она не позволяла им дрожать.

Ровно в семь десять дверь кабинки открылась.

Алексей вошёл без стука. Тёмно-синий костюм, белая рубашка без галстука, воротник расстёгнут. На лице — ни улыбки, ни приветствия. Только холодное, оценивающее.

Злата поднялась.

— Добрый вечер, Алексей... Викторович? — она сделала ударение на отчестве, подчёркивая дистанцию.

— Добрый, — он сел напротив, не предложив руки для пожатия. — Злата Кирилловна.

Он назвал её по отчеству. Смотрел в упор. Ищущим, тяжёлым взглядом.

Она выдержала.

— Спасибо, что согласились встретиться, — начала она деловым тоном. — Папа сказал, у вас есть вакансия для меня. Я на третьем курсе, факультет менеджмента, могу работать после пар и в выходные.

Он молчал. Смотрел.

Потом спросил:

— Ты всегда такая официальная?

Она замерла.

Ты. Не «вы». И это обращение резануло по живому.

— Я не знала, как принято, — ответила она ровно. — Вы — друг отца. И потенциальный работодатель.

— Работодатель, — повторил он медленно. Взял меню, не открывая, просто держал в руках. — Скажи, Злата... ты была вчера в клубе «Агат»?

Внутри всё оборвалось.

Она успела выучить наизусть это лицо. Вчера, в полутьме VIP-комнаты, она видела его искажённым страстью, жестким, почти звериным. Сейчас он был спокоен. Слишком спокоен.

И смотрел так, будто уже знал ответ.

— В клубе? — она изобразила лёгкое удивление. — Нет. Я вчера готовилась к зачёту.

— К какому?

— По маркетингу, — соврала она быстро. — В среду сдаю.

Он кивнул. Взял с блюда оливку, положил в рот, прожевал. Медленно. Наблюдая за ней.

— Странно, — сказал он, проглатывая. — Ты очень похожа на одну девушку. Тоже Злату. Двадцать лет, говорит, учится.

— В городе много Злат, — она улыбнулась — вежливо, официально. — И двадцатилетних тоже.

— Правда много? — он усмехнулся одними уголками губ. — Что-то я раньше не замечал.

Она молчала. Внутри всё кипело.

Он проверяет. Он не уверен.

Он надеется, что ошибся.

— Алексей Викторович, — она взяла блокнот, демонстративно открыла его. — Давайте перейдём к делу? Папа сказал, у вас проблемы с персоналом. Мне нужна практика. Вам — надёжный человек со стороны. Какие задачи?

Он смотрел на её блокнот. На её пальцы — тонкие, без колец. На её пучок, открывающий шею.

Шею, на которой вчера были его засосы.

— Задачи простые, — он откинулся на спинку дивана, наконец-то расслабившись. Кажется, он принял решение поверить.

Он говорил по делу. Жёстко, чётко, без лишних слов. В нём чувствовалась военная выправка и привычка отдавать приказы.

Злата слушала и думала: как этот человек мог вчера быть другим? Как мог рычать, входить в неё, целовать её грудь? Он будто играл роль — сегодня одну, вчера другую.

Или она ошиблась?

Может, он действительно не узнаёт её? Может, вчерашняя ночь для него — просто эпизод, который он уже забыл?

Больно? Да. Унизительно? Ещё как.

Но она не подаст виду.

Она закрыла блокнот. Положила ручку. Тишина повисла между ними — тяжёлая, почти осязаемая.

Он смотрел на неё. Она — на него.

И вдруг он спросил:

— Ты велосипед до сих пор помнишь?

— Какой велосипед? — она не поняла.

— Тот, который я тебе чинил. Ты упала в лужу, разбила коленку, плакала, а я руль выпрямил. Ты сказала, что выйдешь за меня замуж, когда вырастешь.

Злата замерла.

Это было. Десять лет назад. Она забыла. А он помнил.

— Помню, — тихо ответила она. — Я была глупая.

— Нет. Просто маленькая, — его голос вдруг стал мягче — на полтона, но она услышала. — А теперь выросла.

Он посмотрел на неё долгим взглядом — и в этом взгляде мелькнуло что-то, чего она не ожидала.

— Оплата, — сказала она деловито. — Папа не назвал сумму.

— Сорок тысяч в месяц, — ответил он. — Работа в офисе, с девяти до шести, но с гибким графиком, чтобы ты успевала на пары. Будешь заниматься логистикой и кадровым учётом на объектах.

— То есть?

— Составлять графики смен для охраны на всех точках. Следить, чтобы люди вовремя выходили, подмены не опаздывали. Сверять таблицы с фактическими выходами. Иногда — выезжать на объекты, если кто-то заболел или не вышел, найти замену. Всё просто, если голова на месте.

Злата записала в блокноте.

— А почему не отдаёте это своему штатному специалисту?

— Потому что штатный специалист — кум начальника службы безопасности на «Северном», — Алексей усмехнулся уголком рта. — А мне нужен человек, который не будет покрывать своих. Ты — со стороны. Никто тебя не знает. И ты никому ничего не должна.

Она подняла глаза.

— Вы проверяете своих сотрудников через меня?

— Я проверяю всех, — ответил он ровно. — Особенно тех, кто думает, что они незаменимы.

Она записала ещё пару строк. Потом закрыла блокнот.

— Когда приступать?

— Завтра. В девять утра приезжай в главный офис. Дашь паспорт, подпишешь договор. Получишь доступ к программе.

— Я не умею работать в ваших системах, — сказала она честно.

— Научишься, — он посмотрел на неё с лёгкой насмешкой. — Ты же умная девочка, папа хвалил.

Она сжала зубы, но промолчала.

Повисла пауза. Алексей вдруг откинулся на спинку дивана и взял меню, которое до этого даже не открывал.

— Давай закажем что-нибудь, — сказал он буднично. — Твой отец меня убьёт, если узнает, что я пригласил тебя в ресторан и не накормил.

— Я не голодна, — ответила она. И тут же желудок предательски заурчал — громко, в полной тишине кабинки.

Он усмехнулся. Впервые за вечер — почти по-человечески.

— Слышу. Будешь мясо?

— Я вегетарианка, — зачем-то соврала она с каменным лицом.

— Врёшь, — сказал он спокойно, листая меню. — Твой отец рассказывал историю, как ты в двенадцать лет умоляла его купить шаурму с кетчупом. Ты мясо любишь. Просто сейчас рисуешься.

Она покраснела. С досады, что он так легко её раскусил.

— Тогда стейк, — бросила она. — Средней прожарки.

— Хорошая девочка, — он кивнул и позвал официанта.

Официант появился мгновенно — вышколенный, бесшумный. Алексей сделал заказ, не глядя в меню: стейк рибай средней прожарки для неё, для себя — тартар из говядины и зелёный салат без заправки. Бутылку красного сухого.

— Мне нельзя, — сказала Злата. — Мне ещё учить.

— Это мне, — ответил он. — Тебе сок. Морковный. Полезно для кожи.

Она не нашлась, что ответить. Он заказал ей сок. Как ребёнку.

— Я не маленькая, — сказала она тихо, когда официант ушёл.

— Я знаю, — ответил он слишком быстро. И в его глазах снова мелькнуло что-то — тень, воспоминание, которое он тут же спрятал.

Еда пришла быстро. Злата взяла нож, отрезала кусок стейка — сочный, с кровью. Запах ударил в нос. Она вдруг осознала, что правда голодна: вчерашний мартини, утреннее волнение, сегодняшнее напряжение — всё выплеснулось в одно желание просто есть.

Она отправила кусок в рот. Закрыла глаза на секунду.

— Хорошо, — выдохнула.

— Здесь хорошо готовят мясо.- сказал аккуратно нарезая свой стейк, макал салатные листья в заправку. Ел аккуратно, даже как-то аскетично. Ни капли соуса на рубашку. Ни одного лишнего движения.

Она смотрела на его руки. Крупные, жилистые, с коротко стриженными ногтями.

— Вы женаты? — спросила она, сильно быстро, не подумав.

Он замер с ложкой у рта. Посмотрел на неё.

— А ты наблюдательная, — сказал он нейтрально.

— Папа рассказывал, что вы женаты.

— Давно, счастлив в браке, — он отправил ложку в рот, прожевал, проглотил.

Она не поверила ни на секунду. Но кивнула.

Кто счастлив в браке, тот не изменяет своей жене с первой встречной.

Они ели в тишине. Официант принёс сок — оранжевый, густой, с трубочкой. Злата чувствовала себя нелепо: взрослая женщина, с морковным соком.

Рядом с этим мужчиной хотелось казаться старше. Он рассматривал её, не стесняясь.

Алексей закончил первым. Вытер губы салфеткой, промокнул, не размазывая. Посмотрел на её тарелку — стейк был съеден почти полностью.

— Молодец, — сказал он. — Папа будет доволен.

— Вы всё время говорите про папу, — заметила она, отодвигая тарелку. — Будто я не самостоятельный человек, а продолжение его воли.

— Ты его дочь, — ответил Алексей просто. — А он мой друг. Это не отменяет твоей самостоятельности. Но я перед ним в ответе за тебя.

Жёстко. Сухо. По-военному.

Она кивнула. Внутри закипало раздражение: он отгораживался от неё ролями — «дочь друга», «сотрудник». Делал всё, чтобы не видеть в ней ту девушку из клуба.

Или видел — но делал вид, что нет.

— Мне пора, — она взяла блокнот, встала. — Спасибо за ужин. И за работу.

— Проводить? — он тоже встал.

— Не надо. Такси поймаю.

Он не настаивал. Просто кивнул и протянул руку — официально, сухо, как партнёру по бизнесу.

Злата вложила свою ладонь в его. Пожала. Он сжал — крепко, на секунду дольше, чем нужно. Тепло его пальцев обожгло.

Они посмотрели друг на друга. Один миг — и он отпустил.

Она вышла, не оглядываясь.

В такси разжала кулак и увидела, что врезала ногтями в ладонь так сильно, что остались белые полосы.

— Я сойду с ума. - прошептала она.

Глава 5. Алексей

Он не поехал домой.

После ресторана Алексей дал команду водителю — в офис. Наталья всё равно уже спит или делает вид, что спит. Какая разница? Пустая квартира, где пахнет её духами и вчерашним вином, вызывала тошноту.

В офисе горел дежурный свет. Охранник на входе вытянулся, увидев хозяина в неурочный час.

— Алексей Викторович, проблемы?

— Нет, — бросил он на ходу. — Работа.

Личный кабинет на третьем этаже — стекло, бетон, минимум мебели. Он любил минимализм.

Он снял пиджак, повесил на спинку кресла. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Подошёл к бару, налил виски — три пальца, без льда.

Выпил залпом первую половину. Вторую — медленно, держа во рту, чувствуя, как жжёт.

Злата, Злата..

Она пришла в деловом костюме. Собранная, холодная, с блокнотом. Ни одного лишнего жеста. Он специально спросил про клуб — хотел увидеть, как она дрогнет. Она не дрогнула.

«Готовилась к зачёту».

Врёт. Но врёт хорошо. Не краснеет, не отводит глаза.

Он достал телефон, открыл фотографию, которую прислал Кирилл. Светлые волосы, голубые глаза, почти синие, домашний свитер. И та, что сидела напротив — тёмные волосы, собранные в пучок, строгий взгляд.

Не похожи.

Совсем.

Он увеличил фото, всматриваясь в черты лица. Та же форма губ? Точно не скажешь. Те же скулы? Возможно.

Ведьмы, — подумал он. — Все они ведьмы.

Алексей закрыл глаза, и память выбросила картинку — яркую, как кинокадр.

Февраль. Горы под Шали.

Их группа попала в засаду. «Духи» зажали их в ущелье с трёх сторон. Пули ложились так густо, что нельзя было высунуть голову. Алексей тогда был старшим лейтенантом, Кирилл — его замом.

Они отстреливались два часа. Закончились патроны. Я вскочил, чтобы прорываться к подбитому БТРу за боезапасом — и в этот момент пуля вошла ему в левое плечо, развернула, бросила на землю. Он упал, как куль с костями, не чувствуя ног. Кровь хлестала так, что через минуту он должен был захлебнуться.

— Лёха! — заорал Кирилл.

Алексей помнил, как друг пополз под пулями. Как тащил его волоком, цепляясь за камни, оставляя на них свою кровь — Кирилла тоже ранило, в руку. Как запихнул его за валун, как перетянул плечо жгутом из собственной рубашки. Как потом, уже в госпитале, сидел рядом три дня. Подмога пришла во время.

— Ты живи, гад, — сказал Кирилл, нависая над его койкой. — Ты мне должен. Я тебя не для того тащил, чтобы ты в госпитале сдох.

Алексей выжил. Вернулся. Построил бизнес. Кирилл уволился из армии, попробовал заняться своим делом, с начала получалось, но в последние годы, разорился. Но ни разу не позвонил Алексею и не попросил денег, хотя я предлагал. Ни разу не напомнил о долге.

«Ты живой — и ладно», — сказал Кирилл, когда они виделись в последний раз.

Алексей открыл глаза. В них стояла сухая, жгучая боль.

— Ветрова, — прошептал он. — Злата Кирилловна Ветрова.

Он закрыл фото, открыл браузер. Набрал в поиске: «Злата Кирилловна Ветрова».

Выскочил список — одноклассники, соцсети, какие-то сайты. Он кликнул на первую ссылку. Страница «ВКонтакте». Аватарка — и на ней...

Сердце пропустило удар.

Сука.

На аватарке была она. Брюнетка. С чёрными волосами до плеч. В чёрном платье.

Точно таком же, как вчера.

Алексей смотрел на экран, чувствуя, как внутри всё обрывается. Кровь отхлынула от лица. Он сделал глоток виски — не помогло.

Увеличил аватарку. Те же глаза. Та же усмешка. Те же острые ключицы, которые он целовал вчера.

Злата Кирилловна. Дочь Кирилла. Двадцать лет. Та самая.

Он откинулся в кресле, уставился в потолок. Минуту. Две.

— Сука, — выдохнул он.

Он знал. Знал ещё в ресторане, когда увидел её. Но зачем-то включил дурака. Зачем-то спросил про клуб. Зачем-то позволил ей соврать. Зачем-то сам добавил — про счастливый брак, смотрел ее реакцию.

Потому что легче было сделать вид, что ошибся. Легче было поверить в светловолосую Злату с фото, чем в ту, чей стон он до сих пор слышал в ушах.

Он допил виски. Поставил стакан на стол — слишком резко, стакан треснул, но не разбился.

— Что ж ты делаешь, Горский? — спросил он пустой кабинет.

Кабинет молчал.

Он снова посмотрел на экран. Пролистал её страницу — насколько позволяла приватность. Несколько фото: она с подругами, она на учёбе, она на фоне общежития. Ни одного намёка на вчерашнюю ночь. Ни одного поста о том, что случилось. Никаких «меня трахнул мужик вдвое старше».

Молчит. Играет.

— Умная девочка, — прошептал он.

Он закрыл браузер, убрал телефон. Встал, подошёл к окну. Город внизу горел огнями — сотни окон, тысячи жизней, и в одной из них сейчас спала Злата.

Или не спала. Может, тоже смотрела в потолок и вспоминала его руки.

Он положил ладонь на холодное стекло. В отражении увидел своё лицо — уставшее, с жёсткой складкой у рта.

Он ненавидел себя в этот момент. Не за то, что трахнул её. Не за то, что сделал это жестоко. А за то, что хочет повторить.

Её запах. Её губы. Её крик, когда она кончала в первый раз в жизни.

Он почувствовал, как член напрягся под брюками — мгновенно, предательски. Резко отвернулся от окна, прошёлся по кабинету, заставляя себя думать о другом.

— Она сотрудница, — сказал он вслух. — Дочь друга. И тебе не двадцать лет.

Он подошёл к бару, налил ещё виски. Выпил. Не помогло. Тогда он достал телефон, нашёл контакт «Наталья». Жена. Написал коротко:

«Я сегодня не приеду. Остаюсь в офисе».

Ответ пришёл через минуту:

«Хорошо. У меня завтра клуб с девочками».

Всё. Ни «ты где», ни «когда вернёшься», ни «что случилось». Ей всё равно. Ей уже давно всё равно.

Раньше все было по другому.

Он сжал телефон так, что пластик захрустел. Убрал в карман.

Лёг на диван в кабинете — кожаном, коротком, неудобном. Закрыв глаза. Но вместо сна пришли картинки: Злата, лежащая на таком же кожаном диване. Голая.

Он перевернулся на бок, сжал подушку кулаком.

Завтра она придёт в офис.

И он должен будет сидеть напротив неё — спокойный, собранный, профессиональный. Дядя Лёша. Работодатель. Женатый мужик, который заботится о дочери друга.

А не тот, кто хочет снова раздвинуть её ноги и войти до самых яиц.

Алексей открыл глаза. Посмотрел на потолок.

— Ты справишься, Горский, — сказал он пустоте. — Ты всегда справлялся.

Но впервые в жизни он себе не верил.

Глава 6. Злата

Она не спала почти всю ночь.

Лежала на кровати в своей комнате в общежитии, прокручивала разговор в ресторане. Каждое слово. Каждый взгляд.

«Ты была вчера в клубе “Агат”?»

Он спросил. Он сомневался. Он не был уверен.

Но почему тогда спросил? Если бы для него та ночь была просто перепихоном, он бы забыл её лицо через час. А он запомнил. Запомнил настолько, чтобы спросить у незнакомой девушки.

Или не у незнакомой?

Злата перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку.

— Дура, — прошептала она.

Он задел что-то внутри — то, о чём она не знала. Там, в VIP-комнате, когда он взял её грубо и без спроса, она вдруг поняла: она ждала именно этого. Не нежности. Не цветов.

Извращенка!

Ленка в соседней комнате храпела — мерно, ритмично. Злата завидовала её способности отключаться.

Она взяла телефон, пролистала ленту. Наткнулась на страницу Алексея — нашла через отца в друзьях. Закрытый профиль. Фото только одно — аватарка: он в военной форме, лет на десять моложе. Жесткий взгляд, короткий ежик волос.

«Красивый, — подумала она.»

Она хотела написать ему. Что-нибудь: «Спокойной ночи», или «Я знаю, что ты узнал меня».

Но не написала. Нельзя. Игра только началась, а она уже готова проиграть?

Утром она встала затемно. Долго выбирала одежду — не слишком строгую, чтобы не выглядеть старой девой, и не слишком откровенную, чтобы он не подумал, что она охотится на него.

В итоге — чёрные брюки, серая водолазка, волосы распущены. Минимум макияжа — только тушь и блеск для губ.

В офис она вошла в пять минут десятого.

Охранник на входе — здоровенный детина с бритой головой — сверился со списком, кивнул:

— Алексей Викторович ждёт. Третий этаж, кабинет 301.

Лифт пах новым пластиком и деньгами. Злата поправила волосы в отражении зеркальной стены. Спокойно. Ты можешь.

Дверь в кабинет была открыта. Она вошла без стука — и замерла.

Алексей стоял у окна, спиной к ней. В руке — чашка кофе. Тёмно-синий костюм, белая рубашка, чёрный галстук. Он повернулся на звук шагов, и она увидела его лицо.

Ни улыбки. Ни приветствия. Только холодная, оценивающая маска — ещё жёстче, чем вчера.

— Злата Кирилловна. Вы точны.

— Садись. Будем оформлять документы.

Она села. Положила перед ним паспорт и ИНН.

Он взял паспорт, открыл. Посмотрел на фото — там она была ещё с длинными светлыми волосами, два года назад. Потом перевёл взгляд на неё. Сравнивал.

— Ты сменила цвет волос? — спросил нейтрально.

— Давно, — ответила она. — Надоела блондинка.

Он кивнул.

Но Злата вдруг поняла: он знает.

По тому, как задержался его взгляд на её шее. По тому, как он сжал челюсть, когда листал её паспорт. По тому, как его пальцы дрогнули, когда он протягивал ей договор.

— Читай, — сказал он. — Если вопросы — задавай.

Она взяла договор, пробежала глазами. Стандартный трудовой договор для офисного сотрудника. Логистик по кадровому учёту. Испытательный срок — месяц. Зарплата — сорок тысяч. Премии — по результатам.

— Подписывать здесь? — она ткнула пальцем в нижнюю строку.

— Да.

Она взяла его ручку — дорогую, тяжёлую — и поставила подпись. Размашистую, уверенную.

Он взял договор, подписал со своей стороны. Потом посмотрел на неё.

— Поздравляю, — сказал он без эмоций. — Теперь ты официально мой сотрудник.

Слова повисли в воздухе.

Мой сотрудник.

Она почувствовала, как мурашки пробежали по спине. Не от холода.

— Что мне делать сегодня? — спросила она, стараясь говорить ровно.

— Иди в отдел кадров — этажом ниже, кабинет 205. Сдашь копии документов. Получишь пропуск и ноутбук. Потом — ко мне. Я покажу, как работать с нашей программой.

— Ясно.

Она встала, взяла свой экземпляр договора. Направилась к двери.

— Злата, — окликнул он, когда она взялась за ручку.

Она обернулась.

Он смотрел на неё тем же тяжёлым взглядом, что вчера в ресторане. Только теперь в нём не было сомнений.

— Ничего не бойся, — сказал он тихо.

Она не поняла, о чём он. О работе? О прошлом? О том, что она его обманула?

— Я и не боюсь, — ответила она, выходя.

За дверью она перевела дух. Сердце колотилось где-то в горле.

Он знает. И он не уволил её.

Глава 7. Злата

Отдел кадров оказался маленькой душной комнатой на втором этаже. Сотрудница — тётка лет пятидесяти с укладкой из девяностых — приняла документы, не поднимая глаз.

— Ветрова? — уточнила она, сверяя паспорт.

— Да.

— Третья по коридору, дверь с табличкой «Логистика». Там ваш стол.

Логистика оказалась общей комнатой на четыре рабочих места. Два пустовали, за одним сидел парень лет двадцати пяти — лысеющий, в очках с толстыми линзами, — и копался в таблицах. Увидев Злату, он подскочил.

— Вы новая? Ветрова? Меня зовут Семён. Я старший смены. Добро пожаловать в ад.

— В ад? — она подняла бровь.

— Шучу, — он захихикал, поправляя очки. — Тут просто скучно. Мы на два человека, а должны быть пять. Текучечка. Вы первую или вторую смену?

— Алексей Викторович не уточнил, — она села за стол напротив, включила ноутбук. — Сказал, подойдёте ко мне, покажете программу.

— Так точно, — Семён сделал испуганное лицо. — Шеф сказал — шеф сделал.

Он подкатил на стуле к её столу, начал тыкать в экран, объясняя, как заносить графики смен, как сверять табели, как формировать отчёты. Злата слушала вполуха, запоминала, кивала.

— ...и тут зелёная кнопка «сохранить», — бормотал Семён. — Только не нажимайте «отправить», пока я не проверю. Если отправить с ошибкой, шеф лично приходит и...

— И что?

— И молча смотрит. Это страшнее, чем крик.

Злата усмехнулась.

Она проработала три часа. Занесла графики за прошлую неделю, сверила выходы, выявила трёх сотрудников, которые опаздывали систематически. Вбила всё в таблицу, сохранила.

— Пойду покажу Алексею Викторовичу, — сказала она, вставая.

— Удачи, — Семён перекрестился шутливо.

Она поднялась на третий этаж. Дверь в кабинет была приоткрыта. Постучалась.

— Войдите.

Алексей сидел за столом, изучал какие-то бумаги. Поднял голову — холодный, настороженный взгляд.

— Я сделала отчёт по сменам за прошлую неделю, — она положила распечатку на край стола. — Трое систематически опаздывают, у двоих переработки без приказа. Семён сказал, вы хотели бы знать.

Он взял бумагу, пробежал глазами. Кивнул.

— Молодец. Садись.

Она села на стул напротив. Сложила руки на коленях.

Он молчал. Разглядывал её — медленно, пристально, как рассматривают фотографию, сверяя с оригиналом.

— Что-то не так? — спросила она.

— Всё так, — он откинулся в кресле. — Только хватит уже.

— Чего?

— Игры, — он произнёс это слово спокойно, но в голосе зазвенел металл. — Хватит делать вид, что мы не знакомы. Моя... — он запнулся на секунду, — сотрудница. Которая два дня назад откровенно танцевала в клубе «Агат» в чёрном платье, а потом ушла в VIP-комнату трахаться с мужиком, которого почти не знает.

Она побелела. Пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Я не знаю, о чём вы...

— Не надо, — перебил он жёстко. — Ты умная девочка, не прикидывайся дурой. Я видел твою страницу в соцсетях. Твоя аватарка — в том самом платье. И когда ты сидела напротив меня в ресторане, я узнал тебя по губам.

Она молчала, опустив глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

— У меня к тебе один вопрос? — Ты знала, кто я, когда подошла ко мне в клубе? — спросил он, наклоняясь вперёд. — Знала, что я друг твоего отца?

Она слотнула. В голове — пустота. Врать дальше — бесполезно.

— Знала, — ответила она тихо.

Он усмехнулся — горько, одними уголками губ.

— Ах ты маленькая...дрянь — он резко поднялся из-за стола, обошёл его, прямо напротив неё, нависая. — И что ты хотела доказать? Что можешь охмурить взрослого мужика? Что двадцатилетняя девка утрёт нос взрослому мужику?

— Я ничего не хотела доказывать, — она подняла голову, глядя ему в глаза. — Я люблю Вас с детства. И я...

— Заткнись, — перебил он. Не громко. Страшно тихо. — Не смей сейчас говорить про «люблю». Ты легла под меня, зная, что я твоего отца - друг. Ты дала мне трахнуть себя так, что я потом неделю буду отмываться от стыда. А теперь ты пришла в мой офис, смотришь на меня своими глазами и думаешь, что сможешь мной крутить?

Она вскочила. Глаза горели — от обиды, от злости, от унижения.

— Я не пытаюсь вами крутить! — голос сорвался. — Я пришла на работу, потому что отец попросил. Потому что мне нужна практика. А то, что было в клубе... вы сами хотели. Вы ни о чём меня не спрашивали. Вы сами...

— Я не спрашивал, потому что ты вела себя как шлюха! — он тоже встал, оказавшись вплотную. От него пахло кофе, кожей и тем самым запахом, который она помнила до сих пор. — Ты танцевала так, будто хотела, чтобы тебя трахнули. Ты позвала меня в VIP-комнату. Ты сказала: «трахни меня». Что я должен был думать?

Он замолчал.

Смотрел на неё сверху вниз — широкие плечи, напряжённая челюсть, бешенство в глазах.

— Какая же ты... — он не договорил. Провёл ладонью по лицу, резко выдохнул. — Слушай меня, Ветрова. Раз и навсегда.

Он шагнул вперёд. Она попятилась, упёрлась спиной в стену.

Он упёрся ладонями в стену по обе стороны от её головы. Запах ударил в нос сильнее. Злата замерла — ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Ты для меня теперь — сотрудник, — сказал он, глядя прямо в глаза. Голос низкий, жёсткий, не терпящий возражений. — Дочь друга. И больше никто. Того, что было в клубе, я не забыл. И не простил себе. Но это не повторится. Ты поняла?

— Поняла, — выдавила она.

— Если ты попытаешься снова мной манипулировать — уволю в тот же день. Если расскажешь отцу — я сам ему расскажу. И он будет знать, что его дочь таскается по клубам и теряет девственность с мужиками вдвое старше.

Слёзы подступили к глазам. Она сжала зубы, чтобы не разреветься.

— Не смейте мне угрожать, — прошептала она.

— Не угрожаю. Обещаю, — он отлепился от стены, отошёл к столу. Сел в кресло, взял её договор. — У тебя есть три дня испытательного срока. Если я замечу, что ты пытаешься играть со мной в кошки-мышки — ты вылетишь. И будешь искать практику в другом месте. Я для тебя — работодатель. И больше никто.

Она стояла у стены, прижимая руки к груди. Дрожала — от злости, от страха, от близости его тела, которое она помнила наизусть.

— Вы закончили? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Закончил. Иди работай. И запомни, — он поднял палец, как учитель перед классом, — в этом кабинете ты — Ветрова. Сотрудник. Никакой «Златы» и никаких намёков. Я ясно выражаюсь?

— Ясно.

Она развернулась и вышла. Не хлопнула дверью — закрыла тихо, аккуратно.

Но за дверью прижалась спиной к стене и зажмурилась.

Слёзы всё-таки потекли — злые, обидные, горькие.

Он узнал. Он всё знал. И он ненавидел её за то, что она сделала.

Или ненавидел себя? Она не поняла.

Но одно она поняла точно: он не выгнал. Он оставил её. Он поставил условия, очертил границы, прижал к стенке — буквально.

И когда он стоял так близко... когда его руки были по обе стороны от её головы... когда он дышал ей в лицо...

Она хотела, чтобы он поцеловал её.

Снова.

И это было самым страшным.

Глава 8. Злата

После разговора в кабинете Злата спустилась в свой отдел, просидела за столом час, глядя в монитор невидящими глазами. Цифры расплывались. Семён что-то спросил, она ответила невпопад.

Потом встала, натянула пальто и вышла. Не предупредив никого. Плевать.

Общежитие встретило её запахом дешёвых сигарет и кипятка. Ленки не было — ушла на пары. Хорошо. Злата заперла дверь, скинула пальто на пол, упала на кровать лицом в подушку.

И разревелась.

Не тихо, в подушку, а в голос — как в детстве, когда разбила коленку, а мамы уже не было, чтобы пожалеть. Рыдания сотрясали тело, выжигали изнутри всё, что копилось годами.

Он ненавидит её.

Он сказал: «вела себя как шлюха». Сказал: «ты хотела, чтобы тебя трахнули». Сказал: «не смей мной крутить».

Он прижал её к стене, и в его глазах не было ничего, кроме злости. Ни капли того, что она надеялась увидеть.

— Дура, — прошептала она в подушку. — Какая же ты дура, Златка.

Она села на кровати, вытерла лицо тыльной стороной ладони. Посмотрела в маленькое зеркало на стене — красные глаза, опухшие веки, размазанная тушь. Кошмар.

— Посмотри на себя, — сказала она отражению. — Ради чего?

Ради него.

Всегда ради него.

Она закрыла глаза, и память потащила её назад — в детство, когда мир был большим и понятным.

Ей пять лет. Мама ведёт её в детский сад. Мама пахнет ванилью и яблоками. У мамы мягкие руки и тёплый голос. Она поёт на ночь колыбельную — ту самую, про серенького волчка.

— Мам, а ты всегда будешь со мной? — спрашивает Злата.

— Всегда, золотце.

Мама врет. Не со зла. Просто не знает, что через три месяца её собьёт машина на пешеходном переходе. Напротив их дома. В трёх шагах от скамейки, где они сидели вчера и ели мороженое.

Злата открыла глаза.

Она не помнила лица матери. Совсем. Только по фотографиям, запах — ваниль и яблоки. И голос — издали, как радио, которое ловит с помехами.

Ей было пять, когда мама умерла. Скорая приехала быстро, но мама потеряла слишком много крови. В больнице она пролежала два дня — и умерла, не приходя в сознание.

Отец тогда запил. Страшно, по-чёрному. Бабушка приезжала из другого города, забирала Злату к себе, но отец справлялся. Справлялся, потому что было ради кого.

А Злата осталась одна. Без мамы. С папой, который вечно пропадал на работе, а когда был дома — молчал и смотрел в одну точку. Но он её любил, она это всегда знала и чувствовала. Хорошо был Володька, когда было страшно или просто грустно, он ложился спать со мной на узкую кровать.

И появился дядя Лёша.

Ей десять лет. Она сидит на кухне, пьёт какао. Папа и дядя Лёша пьют водку, говорят о каком-то бое, о ранениях, о том, как дядя Лёша чуть не умер. Она не понимает слов, но смотрит на дядю Лёшу и чувствует: он — самый сильный человек на земле. Сильнее Володьки и всех дворовых пацанов.

— Златка, иди сюда, — зовёт он её, и она бежит, забирается к нему на колени. Он пахнет табаком и чем-то горьким. Его руки большие, твёрдые, но обнимают осторожно.

— Дядя Лёша, — она поднимает на него глаза. — Я вырасту и выйду за тебя замуж.

— Вырасти сначала, Златка. Посмотрим.- смеялись они с папой.

Он не знал, что она запомнила это на всю жизнь. Что его руки, обнимающие её, стали единственным тёплым воспоминанием из детства. Что когда ей было плохо — она закрывала глаза и представляла: вот он сидит рядом, большой, сильный, и никто её не тронет.

Злата открыла глаза. Слезы высохли, осталась только глухая, ноющая боль в груди.

Она выросла.

Ей двадцать. Она женщина. Она ждала десять лет.

Десять лет она сравнивала всех мальчиков с ним. В двенадцать — одноклассника Петю, который дарил ей чупа-чупс. «Петя сопляк, у него руки маленькие, как у дяди Лёши? Нет». В пятнадцать — старшеклассника Диму, который приглашал на дискотеку. «Дима боится танцевать, а дядя Лёша ничего не боится». В восемнадцать — однокурсника Антона, который ныл, что устал на паре. «Антон нюня, а дядя Лёша... дядя Лёша выжил под пулями».

Никто не дотягивал. Никто.

Она ненавидела себя за это. Пыталась влюбиться, пыталась переспать с кем-нибудь, чтобы «начать жизнь». Но когда парень тянулся к ней с дрожащими руками, ей становилось тошно. Она видела его слабость. Она чувствовала, что он не мужчина.

Потому что мужчина — это дядя Лёша. Который не спросит «а можно?». Который возьмёт своё. Который защитит от всего мира.

Даже если этот мир — она сама.

А дядя Лёша...

Она следила за ним, как могла.

С того дня, как отец случайно обронил, что Алексей открыл бизнес в Питере и «вроде успешно».

Злата залезла в интернет и нашла всё. «Горский Секьюрити». Его фото в деловом костюме. Его интервью для какого-то маленького журнала, где он рассказывал, что «безопасность — это не просто работа, это образ жизни».

Она сохранила то фото на телефон. Смотрела перед сном, когда никто не видел. Представляла, как он говорит с ней. Как обнимает. Как целует.

Ей было тринадцать. Потом четырнадцать. Потом пятнадцать.

В шестнадцать она узнала, что он женат. На какой-то Наталье. Проревела пол ночи. Но его брак, не изменил её чувств.

Из-за этого я сменила цвет волос, стала брюнеткой, его жена была брюнеткой, а мне ближе светлые оттенки.

Дура.

Что он ходит в клуб «Агат» — ей рассказал Сергей, которого она нашла через знакомых-знакомых. Он работал в его офисе и за бутылку пива выложил, где шеф отдыхает.

Она решила: если она не может быть с ним — не будет ни с кем. Ни один мужчина не коснётся её, пока она не коснётся его.

И вот он коснулся.

Злата обхватила себя руками, сжалась в комок на кровати.

Он коснулся, и это было больно. И жёстко. И унижительно, но я была самой счастливой в этот момент.

Она хотела этого. Она хотела, чтобы он взял её грубо. Чтобы сломал. Чтобы оставил синяки. Потому что в её фантазиях он всегда был таким — сильным, опасным, не спрашивающим разрешения.

Она мечтала, что после он обнимет её. Скажет: «Златка, я ждал тебя». Скажет, что она нужна ему. Что он защитит её, как в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.